

УДК 1: 316
ББК 60.02

КОММУНИКАЦИИ КАК ЗЕРКАЛО ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ

Фролова Светлана Михайловна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (филиала)
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
frolovasvetla777@yandex.ru
ул. Соборная, 23/25, 410031 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Повседневность как особая сфера реальности включает опыт жизнедеятельности многих поколений, формирует практики общения. Изменение пространственных границ, как и любые изменения каждодневного бытия, неизбежно отражаются на практике обмена информацией между субъектами, что дает возможность через коммуникативные навыки, в том числе и языковые предпочтения, проследить особенности повседневной жизнедеятельности на различных этапах существования общественного развития, а также выявить доминирующие факторы, формирующие ценностные ориентиры и поведенческие стандарты общества, определить направление его развития.

Ключевые слова: повседневность, коммуникации, язык, коммуникационное пространство, повседневное бытие, языковые практики.

Человек, приходя в этот мир, неизбежно погружается в рутину повседневного бытия, от которого, даже при сильном желании, он не может быть отчужден. Перед субъектом не стоит выбор, входить или не входить в плавную текучесть повседневности, она, как особая сфера реальности, постоянно присутствует в жизни любого индивида, определяет его путь бытия, используя опыт предшественников, ведь без ориентира на их знания сложно оценить даже самое простое действие человека, поскольку повседневность является кладом опыта множества поколений, феноменом, объединяющим информационную, институционально-правовую, коммуникативную сферы человеческого бытия.

Повседневность «не может существовать вне коммуникации как способа передачи информации...», поэтому «коммуникация выступает как способ бытия повседневности, функцией которого является организация повседневности с помощью транслируемых зна-

ний...» [8]. Если способы обмена информацией рассматривать как развитие интеллектуального опыта, не отходящего от правил коллективного бытия, то проанализировав этапы формирования коммуникативных навыков людей, которые, как правило, не нарушают установленных социальных норм, можно отследить изменения в повседневной жизнедеятельности общества. Исходя из того, что «мы воспринимаем мир таким, каким позволяет его видеть наш язык, наши коммуникативные привычки...» [3, с. 187], динамику повседневных преобразований можно проследить через модификацию языковых практик.

Язык, согласно М. Мамардашвили, – это «вещь, в которую упакованы миллионы лет человеческой эволюции, и при этом этот инструмент по тонкости не имеет себе равных, и тонкость его не есть лишь тонкость нашего индивидуального ума» [6, с. 21], поскольку нормы языка вырабатываются, исходя из представлений о порядке вещей, условий по-

вседневно-бытовой среды, отражают культурное, материальное, и социальное развитие общества, в котором он формировался. Даже при использовании одинаковых слов восприятие сказанного разными индивидами часто расходится, так как слово выражает скрытую эмпирически воспринимаемую реальность, на что обращал внимание М. Хайдеггер, понимая под коммуникативным пространством взаимосвязь структур субъективного бытия. Полагаем, что только онтологическим содержанием языковые практики ограничивать нельзя – слова содержат мировиденческий контекст, поэтому разнообразие языковых обозначений необходимо рассматривать не только как различия в восприятии, но и как разницу в мировоззренческих установках каждогодневного существования субъектов.

Коммуникации отражают специфику топологической среды существования, раскрывают особенности ее бытия. Подтверждение сказанному можно найти у Э. Кассирера. Говоря о языках первобытных народов, исследователь отмечает, что слова, обозначающие у них вещь, процесс или действие, характеризуются «предельной наглядной определенностью» и максимально отражают все особенности и «нюансы действия», поэтому слова в языке передают не только «установленные характеристики природы и мира представлений», но и «обозначают направления и пути установления этих характеристик» [4, с. 226]. То есть, основы языковой коммуникации формируются не стихийно, на него воздействует среда существования и коммуникативный опыт говорящих, поэтому в повседневной практике общения субъектов единой языковой и культурной среды не возникает необходимости интерпретировать сообщаемую информацию, которая в ином коммуникативном пространстве может выглядеть неуместной и будет требовать дополнительных пояснений, поскольку эмпирические навыки, нормы изложения звуковой информации и «стереотипические проекции» образов каждогодневного бытия говорящих различны. Ограниченность языка общения понятийно-лингвистическими рамками, выставленных по принципу каждогодневной значимости для определенного общества, создает сложность улавливания смыслового подтекста для иностранца, но позволяет опреде-

лить (через нормы словесного употребления) индивидуальное и коллективное восприятие каждогодневно окружающей реальности общности определенного пространства.

Каждой исторической эпохе присущ свой стиль общения, отличающийся набором значений слов, поэтому закрепление в речи новых словесных обозначений свидетельствует об изменении повседневной жизни. Так, например, каждогодневное употребление понятий «паровой двигатель», «электрическая лампочка» доказывает закрепление в бытии человека новаций, отражающих прогрессивное техническое развитие. Повсеместное употребление в разговоре значений «Интернет», «компьютер» свидетельствует о существовании информационного общества, активное применение слов «мочить», «кидать», «наезжать» является ярчайшим показателем спада общей культуры и «криминализации» языка.

Несомненно, коммуникационное пространство лишено стабильности, оно отражает как технические достижения общества, так и заданный сферой бытия речевой жанр, отображает изменение внутреннего, качественного содержания повседневной жизнедеятельности. Необходимо отметить, что мы далеки от понимания языковой практики как некой изолированной структуры, считаем, что для любого языка необходимо заимствование словесных оборотов и понятий из других языков, которые впоследствии адаптируются под повседневное бытие говорящих. Также полагаем, что чрезмерно интенсивное добавление в словарный запас иностранных слов и значений ведет к сглаживанию «оттенковых» различий национального языка, способствует его смысловому обеднению, усиливает непонимание в разговоре. То есть, перестройка повседневного и коммуникативного пространств «видоизменяет все представление о прошедшем, настоящем и будущем... языкового опыта» таким образом, что индивид «оказывается в ином коммуникативном мире, где все совершается по иным законам, в иных направлениях, приносит иные результаты и вызывает иные ожидания...» [1, с. 307–352], требует других действий. Таким образом, модификация повседневности неизменно сказывается на коммуникативной и социальной сторонах жизни общества, корректирует поведенческие

стандарты и ценностные ориентиры, ведет к изменению топологических границ жизнедеятельности человека.

Существование коммуникативного пространства характеризуется динамичностью, ограниченностью, зависимостью от событийных структур бытия и интересов коммуникативных партнеров. Так на ранней стадии развития человека, на этапе невербального, знакового общения коммуникативное пространство ограничивалось рамками визуальной доступности; в период вербального обмена информацией оно расширилось до предела звуковой досягаемости человеческого голоса; в условиях современных технических возможностей возросла физическая (транспортная) доступность пространства, границы общения (при помощи связи) достигли внушительных значений, но даже в этом случае пространство коммуникации сложно охарактеризовать как безграничное.

В контексте рассматриваемой проблемы особого внимания заслуживает точка зрения М. Маклюэна о том, что человек, познавший письменность, утрачивает безграничную энергию космоса в силу того, что принимает «аналитическую технологию фрагментации», отдавая «предпочтение... отдельности и пространствам, поделенным на ячейки» [5, с. 140], то есть ограниченному пространству. Можно предположить, что совершенствование технологий значительно сжимает коммуникационное пространство и по другой причине. Если ранее «усеченная» по техническим возможностям система общения способствовала расширению образного представления и развитию своеобразных культур, то в настоящее время повседневный обмен информацией превратился в стереотипизированный диалог, обуживающий восприятие окружающей реальности и ограничивающий пространственные различия. Как «Internet не обладает магической способностью соединять в одно целое несовместимые идеологии» [9, с. 62], так и расширенные коммуникационные связи не способствуют расширению границ интеллектуального общения. Четко различимые ранее культурные грани метрического пространства слились воедино, передаваемая информация и ее анализ превратились в стандартно воспринимаемый

поток информации, который лишен критической оценки и потому принимается индивидами в подаваемом контексте. То есть при расширении метрического пространства распространение информации, ее содержательная компонента сжимается, что способствует сокращению понятийных границ коммуникационного поля, сужению личностного, коммуникативного и смыслового пространства.

На взаимосвязь коммуникации и пространства указывал Э. Гуссерль, в «Начале геометрии» пространство человека понимается им как пространство активности и духовности, то есть традиции. Гуссерль считал, что человечество существует, прежде всего, как языковое сообщество, в котором звенья общения тесно взаимосвязаны и лишены самостоятельности, коммуникации существуют для сохранения знаний. Так язык позволяет человеку поделиться имеющимися у него знаниями, благодаря письменной коммуникации, субъекты обретают возможность виртуально воспроизвести описанную очевидность, что позволяет подняться на более высокий уровень коммуникации. Общество хранит традиции, на их основе производятся новые смысловые образования в пространстве культурного мира, поскольку преемственность базируется на традировании, создавая «текущую неподвижную жизненность» [2, с. 238], обеспечивая преемственность знаний через создание смысловой структуры. Поэтому при изменении повседневного бытия и культурно-коммуникативных пространств меняются культурные традиции, укрепляются новые поведенческие модели, трансформируются пространственные границы национальной и этнической принадлежности, появляются иные пространственные перспективы, примиряющие антагонистические тенденции – локальные и транснациональные элементы коммуникационной культуры. Это явление Роланд Робертсон назвал глокализацией, которое, согласно исследователям, способствует стереотипизации и стандартизации информационных дискурсов, «ведет к шаблонизации текстов..., воздействует на их содержание, допуская нарушение целостности и объективности информации» [7, с. 53–54], существенно трансформирует коммуникационные предпочтения индивидов.

Если исходить из того, что коммуникация – это общение, способствующее расширению познаний, то возникает вопрос о способности искусственно ограниченной, стандартно отформатированной информации пополнять запас знаний. С сожалением приходится констатировать, что успешность общения все чаще начинает оцениваться через количественные показатели «посещений» страниц сайта, соответственно, личностно-социальный аспект человека попадает в зависимость от его умения адаптироваться / ориентироваться в информационной среде. То есть, изменение коммуникационного пространства трансформирует процесс познания, поскольку восприятие информации в современных условиях часто обходит обыденную практику, заменяя апробацией в сети Интернет. По причине эмпирической неподкрепленности такие знания часто не соответствуют действительности, так как не имеют четкого обоснования, следовательно, к устойчивым можно отнести только обыденные знания, выражающие очевидные, повседневно наблюдаемые элементы и явления. Это понятно, ведь любая информация «оседает» на уровне повседневной деятельности и не выходит за рамки обыденного применения, поэтому обладая всеобщими, доступными для всех знаниями, индивид неизбежно приспособливает их под свои (пусть стандартные) потребности. Здесь сложно не согласиться с мнением исследователей о том, что «повседневность – даже современная – не выходит далеко “за околицу” и мало интересуется тем, что происходит вдали» [10, с. 9], применяя недоступные ранее знания к повседневной деятельности. Способность современных средств массовой информации приблизить отделенные от потребителя явления могут рассматриваться как применение глобальных знаний на локальном, повседневном уровне, что тоже, но в несколько ином значении, можно отнести к глокализации. Итак, социально-философская сторона коммуникации всегда соответствует требованиям повседневной жизни социума, что, как отметил Юрген Хабермас, структурирует социальность, способствует «коммуникативной рационализации жизненных миров» и, благодаря введению новых норм, регулирует поведение индивидов, приспособливая глобальное инфор-

мационное пространство к малому пространству повседневного бытия.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что повседневность, как неизменно сопутствующая бытию реалья, не может быть лишена пространственных границ, в рамках которых субъект обустроивает каждодневную деятельность, конструирует предметную среду существования и определяет коммуникативные практики, которые находятся в неразрывной связи с эмпирическими навыками субъектов. Пространственные границы коммуникации определяют экзистенциальный выбор личности через системы выбранных коммуникационных (языковых) доминант и отражают даже незначительные изменения повседневного бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров, Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. Гуссерль, Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида / Э. Гуссерль. – М. : Ad Marginem, 1996. – 267 с.
3. Гутнер, Г. Б. Прояснение смыслов в контексте коммуникативных практик / Г. Б. Гутнер // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. – М. : ИФРАН, 2009. – С. 183–193.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. – 272 с.
5. Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Кучково поле, 2011. – 464 с.
6. Мамардашвили, М. Опыт физической метафизики / М. Мамардашвили. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 304 с.
7. Наумов, С. Ю. Риски в коммуникативном пространстве социума / С. Ю. Наумова [и др.]. – Саратов : Поволжск. акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2004. – 156 с.
8. Полякова, И. П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Полякова Ирина Павловна. – Электрон. текстовые дан. – М., 2010. – Режим доступа : <http://vak.ed.gov.ru>. – Загл. с экрана.
9. Яковлев, Л. С. Логика интеграции сетевых идеологий в политическое пространство России / Л. С. Яковлев // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2012. – № 1 (30). – С. 59–64.

COMMUNICATIONS AS A MIRROR OF EVERYDAY BEING

Frolova Svetlana Mikhailovna

Candidate of Philosophical Science, Associate Professor, Department of Philosophy,
Stolypin Volga Region Institute of Administration (Branch)
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
frolovasvetla777@yandex.ru
Sobornaya St., 23/25, 410031 Saratov, Russian Federation

Abstract. Daily life as a peculiar sphere of reality covers life experiences of many generations and forms communication practices. Spatial boundaries transformation as well as any transformation of daily being inevitably affects practices of information exchange between subjects, which allows, through communicative skills, including language preferences, to trace the peculiarities of daily life activities at different stages of the existence of social development, as well as to identify the dominant factors forming value orientations and behavior standards of society, and to determine its development direction.

Key words: daily life, communications, language, communication space, everyday being, language practices.